

ДИВЕРГЕНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Пётр Вараздатович Назаретян¹, Валерий Борисович Храмов²

¹Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар, Россия; аспирант, htpkr@mail.ru

²Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия; научный руководитель: доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, теологии и религиоведения, valery.khram@yandex.ru

Аннотация. Сила воздействия социальной реальности на сознание и подсознание человека, модели поведения, взаимоотношения людей, мнения, установки, потребности неоспорима, особенно, как показывают исследования, на детей и молодежь. Российские ученые подчеркивают, что колоссальные перемены в состоянии общественной жизни последнего времени требуют нового восприятия совместной жизнедеятельности людей, отказывающегося применению структурального понятия «общество» в пользу более корректного понятия «социальная реальность». При всем множестве подходов ее определения и конституирования социальная реальность непрестанно является единственным пространством существования, деятельности человека, требующим нахождения своего положения в физическом мире и установления отношений с ним. Понимание социальной реальности за два столетия проходит полный путь от строгой очерченности и детерминированности до условности, исключительной абстрактности и полиморфности социальных изменений на преимущественно малых временных промежутках.

Ключевые слова: социальная реальность, общество, «человеческий мир»

Трансформационные процессы, отражающие современные социальные реалии в их движении, затрагивают не только динамику свойств и закономерностей развития, но и взаимосвязи с многообразными меняющимися общественными системами. Неоспорима сила их воздействия на сознание и подсознание человека, модели поведения, взаимоотношения людей, мнения, взгляды, установки, потребности.

Многочисленные социологические исследования подтверждают, что представление архетипов действительности, закономерностей материального и духовного рода, культивирование образов, характеров и паттернов в современном мире оказывает огромное влияние на социум, в первую очередь — на детей и молодежь.

При этом социальная реальность в своем развитии ведет себя не как последовательная причинно-следственная конструкция, а отражает многочисленные элементы социокультурного пространства, имманентно трансформирующиеся под воздействием взглядов, ожиданий, вкусов, увлечений, спроса на определенные тематические и смысловые концепты.

Социальная реальность, с точки зрения научных изысканий, начала осваиваться относительно недавно — в начале XIX века (наряду с «обществом»). Первые размышления об особой человеческой реальности высказывал основоположник науки об обществе О. Конт. Как и большинство своих современников, делая различия между человеком и обществом только в их масштабах, он обратил на себя внимание представлением революционной на тот момент идеи: для любого общества характерна некая специфическая реальность, в наиболее совершенном виде выраженная в человечестве (максимально возможном обществе).

Только в конце XIX в. крупный немецкий философ-идеалист В. Дильтей в рамках своего разделения «наук о природе» и «наук о духе» начал активные поиски термина, обозначающего весь «человеческий мир». В качестве такого термина Дильтей первым использовал сочетание «социальная реальность». Социальной она была названа для обособления от физической природы, единственно номинально изучаемой на тот момент реальности.

В отдельные периоды ученые по-разному трактовали рассматриваемую категорию: у М. Вебера реальность разобщена и зыбка, у Г. Зиммеля и П. Сорокина к тому же хаотична, у постмодернистов — вовсе полиморфна. Причем, если первые из взглядов такого толка объяснялись самобытностью социальных процессов, уникальными особенностями мышления, восприятия и интерпретации каждого индивида, множественностью взаимодействий субъектов, то во второй половине XX века трактовка разрозненности общества обуславливается переходом к его информационному варианту, новой, кризисной реальности, где распад целостности и стабильности мира расценивается как многообразие возможностей и условие его жизнеспособности.

Современные российские ученые (В. И. Залунин, С. Е. Туркулец, Ж. С. Калустьянц, З. И. Комарова и др.) отмечают, что для обозначе-

ния социального среза реальности со всеми его современными особенностями (неустойчивость, дезорганизованность, безграничность) следует использовать именно термин «социальная реальность». Они подчеркивают, что колоссальные перемены в состоянии общественной жизни последних десятилетий (ее глобализация и индивидуализация, непредсказуемость и дезорганизация, демифологизация и виртуализация) требуют нового восприятия совместной жизнедеятельности людей, отказывающегося применению по отношению к нему структурального понятия «общество», так как «на данном этапе социальность не может оформиться в общество», устойчивое, закономерное и ограниченное. Поэтому, по их мнению, в научной литературе по этой теме различные авторы все чаще сознательно или интуитивно называют современный тип социальности более нейтральным словосочетанием «социальная реальность».

Но даже если социальная реальность не является для какой-либо из концепций важным центром средоточения исследовательских изысканий, она так или иначе выводится через ключевые положения этих концепций, будучи относительно современной и динамично изменяющейся в изучении категорией. При всем множестве подходов ее определения и конституирования социальная реальность непрестанно является единственным пространством существования, деятельности человека, требующим нахождения своего положения в физическом мире и установления отношений с ним.

Взгляды на организованность социальной реальности напрямую зависят от формирующих исторических условий. В XIX веке — столетии индустриализации, протекционизма и колониального расцвета — упорядоченность различных политических, социальных и экономических образований понимается как ценность и состояние, к которому естественным путем стремится государство. Более поздние воззрения, связанные с коллапсом капитализма и новой волной утверждения антропоцентристских настроений, указывают на вторичность социальной организованности. Затем уже ее неустойчивая природа вскрывается для ряда мыслителей (вместе с расцветом кардинальных общественно-политических преобразований в большинстве европейских стран первой половины XX века). Переворот общественного сознания и целый ряд социокультурных революций второй половины XX века и во все задает тон отношения к реальности как к чему-то хаотичному и несубстанциональному.

Таким образом, понимание социальной реальности за два столетия проходит полный путь от строгой очерченности и детерминированности до условности, исключительной абстрактности и полиморфности.

Изменчивость и способность к развитию характерны для любой социальной системы в силу динамики общественных процессов и естественного хода взаимоотношений. Наравне с этим следует выделять и стабильные параметры общества, постоянство его структурных компонентов — социальную статику. При этом развитие любого общества непременно движется в сторону главенства научного духа и мыслеположения. Например, у К. Маркса общественные изменения тоже ставятся в зависимость от стадии бесповоротно движущегося исторического процесса, а любой переход от одного бытия-базиса к другому понимается как развитие, но в его теории первично преобразование материальных аспектов реальности, а не духовных.

Э. Дюркгейм именует динамику социальной физиологией (в противовес устойчивой морфологии) и видит ее причинами идеи и духовные ценности людей, которые они реализуют на практике. У него именно движение сознания порождает изменение бытия, а не наоборот. Вместе со Спенсером и Контом Дюркгейм придерживается эволюционизма — суждения о том, что человечество необратимо и постоянно движется от низших форм к высшим по некоему предзаданному образцу. Однако главными критериями совершения такого прогресса у Дюркгейма являются не политические или экономические переходы, а нравственные аспекты — приближение общества к «органической солидарности» (коллективности на основе автономности воли и индивидуальности сознания каждого).

Схожее мнение характерно для концепции Л. Выготского, отличаюсь тем, что социальная активность людей формирует единое течение общественных изменений.

Анализируя изменения, происходившие в обществе в XIX–XX веках, ученые (Ю. Хабермас и др.) усматривают эволюцию, заключающуюся в постепенной утрате связей между жизненным миром (совокупностью социальных отношений) и системным (отношениями в экономике и государственных институтах). С течением времени системы становятся все более самостоятельными, перестают находиться в подчиненном жизненному миру с его языковыми и коммуникационными регуляторами положению и с помощью механизмов власти и рынка сами начинают доминировать.

Итак, в трудах большинства ученых способность социальной реальности к изменениям и характер этого движения исследуется на основе анализа исторической мобильности общественных структур. Причем если классические теории, выделяя постоянные и переменные параметры общества, утверждают эволюционность и единичность социального развития, то немалая часть остальных исследователей (в основном, бо-

лее современных) сомневаются в прогрессивном характере хода истории и фокусируются на множественности путей развития, объясняемой либо уникальностью различных параллельно существующих цивилизаций (Вебер), либо превалирующей интерсубъективностью реальности (Зиммель), либо ее чисто аналитическим статусом (Шюц).

Таким образом, социальная реальность в последние 100–150 лет перестает видаться строго структурированной, устойчивой по форме и содержанию, детерминированной. Вместо этого все больше отмечается многослойность наполнения реальности, ее произвольность, разобщенность, интегративность, конструируемость, преимущественно нематериальный состав, а также зависимость этого наполнения от межчеловеческих коммуникаций и субъективного восприятия и интерпретации индивидами общественных явлений, фактов и отношений, уникальных по своей сути.

Можно утверждать, что за последние два века социальные явления и события успевают полностью потерять свою последовательность свершения, логичность развития, подчиненность устойчивым, конкретным факторам и даже объективность существования. Социальные процессы как объект исследования все чаще отходят от целостного восприятия и представления движений в обществе, предлагая вместо этого многозначные, иррациональные, человекоцентрические трактовки социальных изменений на преимущественно малых временных промежутках.

Список источников

1. Назаретян П. В. О моделировании социальной реальности в искусстве // Молодые исследователи: взгляд в прошлое, настоящее, будущее : сборник материалов III Международной студенческой научно-практической конференции. — Смоленск : Маджента, 2022. — С. 122–125.
2. Радевич Е. В. Дивергенция современных обществ как результат интегрального взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и процессов глобализации // Труды БГТУ. Серия 6. — 2018. — № 2 (215). — С. 81–87.
3. Рендл М. В. Социальная реальность как симулякр: плюрализм социокультурных характеристик // В мире научных открытий. — 2014. — № 11.3. (59). — С. 1279–1291.
4. Соколов А. С. Социальная реальность как предмет историко-философского осмысления // Личность. Культура. Общество. — 2009. — Т. 11, № 1 (46–47). — С. 285–290.
5. Стожко К. П. Новая социальная реальность: личностное измерение // Наука, образование, культура. — Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2021. — С. 162–168.